

Возможности и ограничения теории Дж. Скотта для изучения переселения на Дальний Восток России

От редакции: в предыдущем выпуске журнала были опубликованы материалы круглого стола "Антропология и экономика: возможные направления взаимодействия", на котором обсуждались возможности использования теоретических новаций Джеймса Скотта для осмысления социального и экономического опыта Дальнего Востока. Эта публикация вызвала интерес со стороны исследователей, пожелавших высказаться по предмету обсуждения; представляем мнение научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН А. С. Заколотной.

Вопрос о возможности применения теории Дж. Скотта при исследовании освоения Дальнего Востока, поднятый участниками круглого стола [1], весьма интересен. В её основе лежит понятие "Зомии", под которым автор понимает значительную территорию, включающую приграничные области государств Юго-Восточной Азии. Её население формировалось за счёт людей, вынужденно покинувших в силу ряда причин (рост налогообложения, военные действия и т.д.) предыдущее место жительства. Зомия предстаёт как некий антипод государству с его чёткой иерархией и регулированием основных сторон жизни. В ней же наоборот всё построено таким образом, чтобы каждая социальная группа оставалась максимально независимой или, используя терминологию автора, "неподвластной".

На мой взгляд, формирование населения российских дальневосточных территорий происходило иначе. Роль государства, особенно в первые десятилетия после присоединения Приамурья, была значительной. Причём в отдельные периоды (особенно в 60-х и 80-х гг. XIX в.) оно выступало в качестве непосредственного организатора переселения. Стоит отметить, что в 50–60-е гг. XIX в. казаки не только не желали отправляться сюда, но даже были готовы заплатить за возможность остаться в Забайкалье. Политика государства по отношению к Приамурскому краю долгое время была двойственной. С одной стороны, государство было заинтересовано в скорейшем крестьянском заселении данной территории, для того чтобы закрепить её не только юридически, но и фактически. С другой, всячески удерживали потенциальных мигрантов на местах, опасаясь сокращения количества рабочих рук в европейской части России. Здесь можно согласиться с Дж. Скоттом, отмечавшем, что правительство не заинтересовано в уменьшении числа подконтрольного податного населения [2, с. 28–29, 86–87, 119]. При этом существовало представление о некоем идеальном переселенце. На Дальний Восток должны были приезжать крестьянские семьи с большим числом трудоспособных мужчин, обладающие достаточными для устройства здесь материальными средствами, активные, самостоятельные, способные как в можно более короткие сроки устроиться на новом месте и достичь определённого уровня благосостояния, без или с минимальной помощью от государства. Желательным также представлялось появление здесь рыбаков или ремесленников. Надежды на исполнение данного желания оставались тщетными, даже в том случае, если осуществлялся предварительный отбор переселенцев. Большинство прибывших переселенцев не обладали достаточными финансовыми средствами, нужда-

лись в государственной поддержке, а также не могли быстро приспособиться к непривычным условиям.

Особенностью Зомии был сознательный переход её жителей от поливного рисосеяния к подсечно-огневому земледелию, которое Дж. Скотт рассматривает как "сельское хозяйство беглецов", позволявшее уклоняться от налогов и избегать набегов. Он отмечал, что чиновники равнинных государств считали данную технологию примитивной и неэффективной [2, с. 225–227, 234, 236]. Дальневосточных крестьян исследователи сер. XIX – начала XX в. также регулярно упрекали в косности и примитивности, т.к. они не использовали прогрессивные для того времени приёмы обработки почвы, не применяли удобрений, не вводили у себя грядковую культуру, но главным образом за то, что они воспроизводили те способы хозяйствования, к которым привыкли. И это также отличает их от жителей Зомии. При этом прибывшие в Приамурский край также вынуждены были адаптироваться к дальневосточным условиям. Основными вариантами приспособления стало создание комплексных хозяйств, с небольшим размером засеваемых земельных участков, использовавшихся в течение длительного времени чаще без внесения удобрений, а также увеличение роли промыслов (особенно в казачьих посёлках). Иноэтнический опыт обработки почвы (грядковая культура) чаще всего игнорировался. Вместо этого складывались иные формы взаимодействия русского населения и иностранных подданных. Так, крестьяне и казаки предпочитали сдавать в аренду часть собственных земельных участков корейцам и китайцам. Стабильное существование данной практики на протяжении достаточно длительного периода времени говорит о взаимовыгодности её для обеих сторон. Многие переселенцы не обладали достаточными ресурсами (как материальными, так и людскими) для создания здесь собственных хозяйств, единственная ценность, которая у них имелась, – это земля, полученная в пользование от государства. Сдавая её в аренду иностранцам, они решали свои проблемы и приобретали возможность улучшить своё материальное положение. Для корейцев и китайцев отсутствовала иная возможность заниматься сельским хозяйством, кроме как стать арендаторами у русских крестьян и казаков. Таким образом, мы можем рассматривать "жёлтую аренду" как одну из возможных форм адаптации к местным условиям.

Необходимо отметить, что в отличие от жителей Зомии переселенцы на Дальний Восток в большинстве своём стремились поселиться как можно ближе к уже существующим населённым пунктам, где уже была создана определённая инфраструктура. Отсутствие путей сообщения сдерживало развитие отдалённых районов Приамурского края, которые долгое время продолжали оставаться пустынными. Наоборот, именно государство, заинтересованное в появлении как можно большего числа деревень на этих приграничных территориях, разрабатывало меры по привлечению сюда новых жителей.

Таким образом, мне кажется, нельзя рассматривать Дальний Восток как своеобразный вариант Зомии. Население дальневосточных областей формировалось не как результат бегства от государства, а, наоборот, при помощи последнего, при его поддержке в виде предоставления различных денежных и натуральных льгот и пособий для решивших сюда приехать. Для того чтобы переселиться сюда, крестьяне должны были обращаться к властям, и только получив необходимое разрешение они могли отправляться в путь. Основной целью прибытия сюда крестьянства было не избегание государства, а изменение своей жизни в лучшую сторону. Именно возможность приобретения значительного земельного надела являвшегося для них наивысшей ценностью, предметом постоянного желания (особенно в условиях постоянной нехватки) толкала их на смену места жительства. Переселенцы на Дальний Восток не стремились жить вне государственного контроля, что, например, подтверждает тот факт, что здесь наблюдался достаточно высокий темп роста числа жителей городов, являвшихся местом сосредоточения администрации. Возможно, теория Дж. Скотта будет полезна при изучении применявшимся государством практик. Он указал, что государства Юго-Восточной Азии стремились за счёт увеличения населения на определённой территории усилить тем самым здесь свой контроль, кроме того для них было важным не допустить сокращения числа лиц, регулярно уплачивающих налоги. Оба этих положения справедливы и для Российской империи.

На мой взгляд, в интересах анализа практики переселения более перспективным будет обращение к ранним работам Дж. Скотта, в которых он рассматривает "повседневные формы сопротивления" [3, с. 33, 35, 52]. Вероятно, к ним можно отнести прибытие на Дальний Восток так называемых самовольных переселенцев (т.е. не получивших разрешение от государства); появление практики земельных займов; образование фиктивных семей при переселении на судах Доброфлота с целью понижения суммы денежного залога; уничтожение в 1917–1918 гг. документов, содержащих сведения о задолженности крестьян по выплате ими ссуд (РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 103–103 об.)¹ и т.д.

Литература

1. Бляхер Л. Е., Барбенко Я. А., Демьяненко А. Н., Журавская Т. Н., Минакир П. А., Рыжова Н. П. Антропология и экономика: возможные направления взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 20–30. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/20-30.
2. Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластными: Анархическая история высокогорной Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. 568 с.
3. Scott J. C. Everyday Forms Of Resistance // The Copenhagen journal of Asian studies. 1989. № 4. P. 33–62.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Blyakher L. E., Barbenko Ya. A., Dem'yanenko A. N., Zhuravskaya T. N., Minakir P. A., Ryzhova N. P. Antropologiya i ehkonomika: vozmozhnye napravleniya vzaimodejstviya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2020. № 1. S. 20–30. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/20-30.
2. Skott Dzh. S. Iskusstvo byt' nepodvlastnymi: Anarkhicheskaya istoriya vysokogornoj Yugo-Vostochnoj Azii. M.: Novoe izdatel'stvo, 2017. 568 s.
3. Scott J. C. Everyday Forms Of Resistance // The Copenhagen journal of Asian studies. 1989. № 4. P. 33–62.

Заколотная А. С. Возможности и ограничения теории Дж. Скотта для изучения переселения на Дальний Восток России.

Zakolodnaya A. S. Possibilities and limitations of the theory of J. Scott for the study of migration to the Russian Far East.

Для цитирования: Заколотная А. С. Возможности и ограничения теории Дж. Скотта для изучения переселения на Дальний Восток России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 166–168. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/166-168

For citation: Zakolodnaya A. S. Possibilities and limitations of the theory of J. Scott for the study of migration to the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 166–168. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/166-168

---

¹ РГИА ДВ – Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока